

ЧУЖОЕ ОТРАЖЕНИЕ. *Осколки*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЕВДОКИЯ ГУЛЯЕВА

18+

Простая сложная любовь

Евдокия Гуляева

Чужое отражение. Осколки

«Автор»

2021

Гуляева Е.

Чужое отражение. Осколки / Е. Гуляева — «Автор»,
2021 — (Простая сложная любовь)

Будьте осторожны в своих желаниях, ибо они могут исполниться! Устав от нищеты и одиночества, бывшая воспитанница детского дома Катя Иванова мечтает о другой судьбе. И вот однажды она совершенно неожиданно попадает под колеса дорогого внедорожника, хозяин которого – молодой миллиардер Марк Эмильевич Беркутов узнает в ней свою пропавшую жену. И вроде бы все складывается хорошо: девушка обретает семью и находит любовь... Но разве это внезапное счастье не взаймы? Примеряя на себя чужую жизнь — рискуешь забрать себе и чужие грехи за которые придется отвечать! Современный любовный роман. Вторая книга дилогии.

© Гуляева Е., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Евдокия Гуляева

Чужое отражение. Осколки

Глава 1

Марк.

Давно я такого не испытывал: ожидание, предвкушение, нетерпение..., и сразу, следом жгучее разочарование от того, что не могу получить то, что надо – сию секунду. Немедленно.

Катина неуклюжая попытка сделать вид, что от нее что-то зависит, сейчас лишь бесит.

Сдерживаю мат – но, чёрт побери, как хочется! Застонать или выругаться последними словами, но ни в том, ни в другом нет смысла.

Запрокидываю голову вверх, рвано выдыхая минутное, но такое яростное раздражение, и закрываю глаза, ловя на кожу, полуоткрытым ртом душевые струи. Запускаю пятерню в мокрые волосы, и привычным движением взъерошиваю их, словно это простое действие поможет мне снять напряжение.

И кто бы мог подумать, что ещё совсем недавно я трахал все!

Да трахал! Играл, меняя сногсшибательных моделей одну за одной, не считаясь с их желаниями, потребностями, чувствами, пока не стало тошнить от этого сплошного калейдоскопа затейливых потрахушек, кукольных лиц и совершенных, но до отвращения одинаковых тел. А сейчас избегаю даже ни к чему не обязывающего секса, хотя и нуждаюсь в нем, как никогда раньше.

Только сейчас осознаю, что прохладная вода не спасает от стояка. Головка члена болезненно пульсирует, и я с глухим хриплым рычанием утыкаюсь лбом в кафельную плитку.

Черт возьми, я вынужден драть, как подросток!

Абсурднее ситуации не придумаешь – я могу сделать все, что захочу, все, что угодно, и я всегда беру то, что хочу взять... тем не менее, мастурбирую в душе.

Желаю, чтобы она сама. Сама пришла ко мне.

«Доверие, моя девочка – это канат над бездною, где у канатоходца нет ни шеста, ни страховки. Путь до него – по горящим углям. Путь по нему – без тени сомнения, потому что я сказал подойти. И вот когда ты придешь с обожжёнными ступнями, упадешь у моих ног вымученно улыбаясь по-настоящему счастливой улыбкой, что смогла для меня, ради меня, вот тогда я тебе поверю. И может даже однажды скажу "люблю". Если почувствую. А почувствую я лишь тогда, когда увижу собственными глазами: через доказанное доверие, через твое переступание через себя, когда я гну тебя до хруста, потому что мне так нравится.»

Я так погружен в то, что происходит в моей голове, что не сразу прислушиваюсь к своим чувствам. Пытаюсь отследить поток мыслей или ощутить Катино присутствие здесь и сейчас. Готов поклясться, что даже сквозь шум льющейся воды я опять улавливаю ее еле ощутимый вздох и тот самый женский трепет, который заставляет мои яички азартно сжиматься.

Стискиваю челюсти, шипя сквозь зубы, и убеждаю себя, что она застыла с той стороны двери. Я уверен в этом потому, что не слышал звука удаляющихся шагов.

Втягиваю полной грудью ее запах, которым до сих пор забиты ноздри.

И тону... Снова тону от одной только мысли о том, что она, наконец, рядом.

Легкая эйфория проникает в сознание, выплескивая в кровь порцию адреналина.

Еще минуту или две я пытаюсь уловить эти звуки, а потом, вздохнув, громко сглатываю и разворачиваюсь лицом к двери, широко расставив ноги, опираюсь раскрытыми ладонями на сплошь покрытое конденсатом стекло. Я не могу ощущать ее на физическом уровне, потому

что это невозможно, но я готов поклясться, что чувствую ее тепло даже сейчас, когда между нашими телами преграда в несколько метров.

С каждым слышимым шорохом там, за дверью, во мне возрастает отвращение к себе и злость на самого себя, потому что я трудом сдерживаю свой голод. И я уже в мыслях представляю, что в такой ситуации может произойти, если я сейчас сорвусь с места, рвану на себя дверь ванной, задеру на ней чёртово платье и жестко изнасилую, а потом, уткнувшись лицом в изгиб ее шеи, сожму зубами нежную кожу, потом, только потом понимая, что своей вспыльчивостью одним махом перечеркнул все старания сблизиться с ней.

Я и есть – смертельно опасный водоворот. Невероятная по своей сложности природная головоломка, безусловное зло. Обладая огромной мощностью, затягиваю на самое дно, где в самом эпицентре, посреди этой чудовищной воронки только я и мой голод – омерзительная тварь, который то и дело просыпается где-то в глубине моего нутра и начинает терзать меня, требуя для себя новую жертву.

И вот тогда, когда очередная романтическая дура будет задыхаться под толщей воды моего водоворота, в его в стальных объятиях, тогда мои демоны и выползают из тени, начиная тихонько пританцовывать вокруг меня – щедрого мцената, такого социального, такого всегда себя оправдывающего и понимающего, но в этот момент уже совершенно самому себе не принадлежащего.

И тут нельзя просто взять, и разделить на добро и зло, черное и белое, тут множество оттенков серого, которые отнюдь не так привлекательны, как в том самом нашумевшем кино, делающим влажным промежности женщин, уставших от однообразного пресного супружеского секса. Здесь самые настоящие, отвратительные – матовые оттенки моего голода: все, от самых некрасивых темно-серых потеков женской туши, которые со слезами уже бегут по моим пальцам, до цвета тусклого асфальта, на который я выбрасываю, как отработанный материал, ту самую жертву, словно выкурив ее до белёсого пепла.

Голод... Чёртов голод солоноватым комком встает в горле, стучит в висках, отзываясь тупой ноющей болью в груди, там, где у таких чудовищ, как я, должно быть сердце.

Голод. Он ищет и тычет меня в эту растущую нужду, в потребность, в необходимость быть утоленным.

Такой внутриклеточный объяснимый голод, в состоянии которого забываются правильные слова, нормы морали и социальность. Скручивает так, что хочется едва ли не схватить первую попавшуюся девку на улице, пихнуть ее в машину и...

Снова: вдох-выдох...

Я могу контролировать свой голод. Но он во мне. Всегда.

Сейчас он выбрал для себя новый десерт – искренность, которую обнюхивает с осторожностью, всерьез раздумывая, а не присвоить ли обладательницу себе, если она будет продолжать кормить его этими чистыми эмоциями.

Поэтому «уйди» произношу Кате. Так тихо, скорее самому себе, чем ей, осознавая, что она меня не услышит.

Если она еще хоть на мгновение задержится там, за этой треклятой дверью, то я больше не смогу сдерживаться.

Рука сама тянется к ручке душевой кабины – и сама отдёргивается от нее.

Напряжение разряжается коротким отрывистым смешком, который слетает с моих губ, пока я наблюдаю за тем, как та самая дверь с которой я не свожу взгляда, с легким щелчком приоткрывается, и на пороге появляется она – Катя.

Сердце как будто пропускает удар. Еще один..., и потом мощно бьется о грудную клетку, в попытке сломать ребра.

Жадно делаю вдох, на выдохе беззастенчиво разглядывая хрупкую женскую фигурку уже в нижнем белье (сброшенное ею платье валяется на полу гардеробной). Кружево премиум

класса пропитанное эротикой, что я вижу на ней сейчас, как-то не вяжется со скромным образом детдомовской девчонки отчётливо отпечатавшимся в моей памяти. Это наводит на непрошенные и почти абсурдные мысли о грубо сработанной фальшивке, словно я разглядываю хоть и правильно ограненный, но белый сапфир вместо истинного бриллианта, однако предпочитаю гнать их прочь из головы...

Прикрываю глаза, так же, как делаю это, задумывая эскизы своей новой ювелирной коллекции, и стараюсь найти и повторить те же ощущения, которые я еще совсем недавно испытывал рядом с ней, да всё без толку.

– Какого черта! – рычу, проводя рукой по мокрым волосам.

Я уже чувствую свой голод кожей – мелкие волоски на теле встали дыбом.

Слышу, как она шуршит атласной тканью, стягивая с себя остатки нижнего белья, как поднявшись на носочки ступает босыми ногами по мраморному полу...

Желание отдает в паху физической болью.

Медленно отхожу от стекла, опуская руки, и смотрю на нее именно в тот момент, когда она берется за ручку душевой кабины: на долю секунды замирает и выдыхает мое имя, вернее то, что я принимаю за тихий шепот, оказывается произвольными стонами двух обнаженных людей, стоящих идеально параллельно друг напротив друга.

Я отступаю на шаг и вжимаюсь лопатками в стену, словно ее взгляд толкает меня в грудь.

Вдох-выдох, как провальная попытка вернуть контроль над своим телом – старание принять розоватое марево чуждой мне нежности, застилающее глаза, но из горла уже вырывается голодное рычание. Чертыхаюсь, наверное, раз сотый. Отчётливо понимаю, что и в этот раз не сдержусь.

Жесткий секс ей не понравится. И я это знаю. Но все эти игры в любовь, игры в доверие, в искренность – лишь ее иллюзия. А сейчас я настолько голоден, что согласен сожрать эту иллюзию. И мне нисколько не жаль. Мне хорошо.

А ей?

Не важно...

Неизменно держу себя до зубовного скрипа, до выступающих яремных вен на моей шее, до показавшихся капелек пота над темными бровями, но, вот как сейчас, даю слабинку, и мой голод получает немедленное разрешение.

Эмоции задыхаются в желчи.

Перехватив мой взгляд, она медленно, но как-то необъяснимо пошло облизывает губы, словно совсем не боится очередной вспышки моей неконтролируемой сексуальной агрессии, и, протянув ко мне руку, вызывая дотрагивается до моей грудной клетки. Проводит пальцами по кубикам пресса, тщательно обводя каждый... спускаясь вниз до самого паха, вынуждая мои приводящие мышцы рефлекторно сжаться.

Довольная кошачья улыбка касается ее губ, а в моей груди что-то неприятно торкается.

Вся эта грубоватая девичья раскованность удивляет меня, но я не подаю вида.

Разочарован.

Чувствую, что ждал от этой, такой желаемой прелюдии много больше, чем она мне подарила. И всё бы ничего, если не пустота внутри, которая уже достигла лёгких и горла, стиснула все в свой ледяной кулак.

Не могу сдержать хищную улыбку, и резко припечатываю девушку к стене, буквально вдавливая своим телом в скользкую от воды кафельную плитку. Схватив одной рукой за талию, второй сжимаю ее шею и приподнимаю так, что теперь она едва может коснуться пола пальцами своих ног.

– Что ты здесь делаешь? – рычу ей в ухо.

Знакомый придушенный смех с натугой вырывается у нее из горла.

– Я тоже скучала по тебе, любимый... – сдавленный женский шёпот почти касается моих губ.

– Что. Ты. Здесь. Делаешь? – медленно повторяю я, чеканя каждое слово.

Чувствую, как от страха заходит ее пульс под моими пальцами... Ей ли не знать, когда я не шучу.

– Имею полное право делать все, что захочу! Я твоя жена! – ее голос почти срывается на крик, и она пытается вырваться из моей хватки, но я держу крепко.

– Ты имеешь полное право быть дерьмом в любой точке мира, кроме этого места!

Едва сдерживаюсь, чтобы не ударить и не разбить ее аккуратненькую головку о кафедру.

А она хрипит...

Но только что мне теперь ее хрипы, когда заживо рвёт на куски от знакомого болезненного голода!

– К чему весь этот спектакль, Даша?

Опускаю взгляд на ее нервно подрагивающие губы. Вижу, как она открыла рот, но больше не может ни всхлипнуть, ни вскрикнуть. По ощущениям сейчас сломаю ей шею, поэтому чуть ослабеваю хватку, собственноручно щедро отмеряя определённое количество чужих вдохов и выдохов.

От воспоминаний наизнанку выворачивает. Больно.

Мне нравилось...

Мне нравилось просыпаться по утрам, и, смотря на нее, замечать лёгкую улыбку, промелькнувшую на ее лице. Наблюдать, как она демонстративно потягиваясь, словно кошка, поднявшись на носочки, вышагивает в сторону ванной. Оставаясь за дверью, слышать шум бурно льющейся воды и доносящийся приглушенный женский смех.

Нравилось подсматривать, как она, внимательно изучая, перебирает драгоценные камни разных форм и размеров на моем рабочем столе, вытаскивает бриллиант и, зажимая его в пальцах, поднимает вверх, чтобы поймать ослепительный яркий блик.

Я любил дарить ей ювелирные украшения. Любил тот самый момент, когда ее глаза загорались от восхищения при виде очередного дорогостоящего подарка.

Мне нравилось её длинная шея, нравилось любоваться аристократической бледностью ее кожи.

Тогда я был одержим сравнениями.

Мне нравились ее руки, особенно изящные тонкие запястья и длинные пальцы. Мне нравился ее естественный запах, окутывающий меня со всех сторон, заполняющий лёгкие.

Мне нравилось наблюдать, как она испуганно ёжится, наткнувшись на мой сердитый взгляд. Я любил ощущать ее прерывистое дыхание на своей коже, как она сбивчиво дышит, искоса разглядывая мое обнаженное тело, и стыдливо опускает свои ресницы, наткнувшись на мой пояс Адониса.

Мне нравилось, когда она застегивала на мне рубашку, поочередно оглаживая все пуговицы из драгоценного оникса. Как аккуратно затягивала узел на галстуке, расправляя ткань.

Мне нравилось смотреть, как она, стоя ко мне спиной, стаскивает с плеч тонкий пеньюар, обнажая трогательные выступающие лопатки, а потом разворачивается, и мы просто смотрим друг на друга. Я помню, как мне нравилось встречаться с ней глазами.

Все это – обычный кусочек жизни, скользкой мимо...

Помню, как мне нравилось любоваться синяками, мною оставленными на ней. Но, черт возьми, и ей это нравилось!

Мне нравилось, когда она критично осматривала себя в зеркале и каждый раз замирала, невольно заметив мое отражение. Мне нравилось отталкивать ее от себя одним взглядом.

Мне нравилось, что я подходил к ней, и она отдавала себя. Губы ее надувались, улыбка гасла, но она отдавала себя без слов, признавая свое поражение перед моим голодом. Мне нра-

вилось, как она закусывает нижнюю губу. Нравилось смотреть, как ее глаза медленно переполняются слезами, и тушь размывается по щекам.

Мне нравилось, когда она мягко касалась моей руки, умоляя остановиться...

Хочется поставить такие мгновения на повтор. Особенно сейчас.

Так ведь и бывает в жизни – ты придаешь особое значение совершенно незначительным эпизодам и людям, возносишь их на пьедесталы "самых", "лучших", а потом появляются, казалось бы, мимо проходящие, какой-то новый человек и его новая история, и все, что было до них, все, что ты строил годами – оказывается лишь твоей иллюзией, в один миг рушится, как несовершенный картонный домик.

Я любил. Ненавижу это подвешенное чувство.

Но больше не люблю ее. Теперь мне нравится смотреть на ее точную копию, но полную противоположность.

* * *

– У меня здесь важные дела. Как только решу их, вернусь обратно. Тебе не стоит понапрасну беспокоиться.

Дашин голос врывается в глубину моих воспоминаний во всей своей реальности и разгоняет их.

Мне совсем не хочется знать, где она была весь этот год, почему ушла от меня и для чего вернулась.

Зачем я все еще остаюсь с ней здесь, в душевой – не знаю. От ее присутствия мне становится только хуже. Но и ее отсутствие весь этот год не делало меня счастливым. Но вот сейчас, в этот самый момент я чувствую только отстраненность и желание оторвать ее от себя.

Злость накаляется, превращается в бешенство, и я отпускаю её шею, чтобы обхватить лицо, но в момент одергиваю руку и резко отхожу на шаг назад.

Распахнув стеклянную дверь, нащупываю широкое полотенце и бросаю ей, сам выходя из душевой кабины голым. Хоть это и невыносимо, слежу за тем, как она медленно, изводяще медленно вытирается, а потом беззастенчиво протягивает кусок влажной махровой ткани мне. Сразу вспомнилось, что когда-то я испытывал огромное удовольствие, – более, – глубоко интимное наслаждение пользуясь с ней общим полотенцем.

– Марк... – произносит почти с надрывом.

– Мы не будем сейчас разговаривать.

– Пожалуйста, Марк.

Нежелание продолжать все это прорастает во мне с корнями.

Она поднимает на меня глаза, наши взгляды встречаются. Выражение на моем лице заставляет ее нерешительно замереть.

– Убирайся! – рычу я.

Но не дождавшись от нее действий, хватаю и тяну ее к двери. Открываю и вышвыриваю словно безжизненное тело в коридор-гардеробную, следом за ней выкидывая и то самое трехклетчатое полотенце.

Глава 2

Катя.

«Чужая душа потемки. Чужая семья потемки еще более густые. За видимым уровнем отношений есть мир невидимый, тайный и преисполненный определенного смысла, понятного только двоим. Решается ли там судьба семьи? Из чего складывается это решение? Из нежности или жестокости, из равнодушия или чуткости, из смирения или властности, из сострадания или насилия... Кто знает?»

Я вот точно не знаю.

И вообще не понимаю, что мне делать.

Поэтому так и продолжаю стоять на проходе между спальней и ванной и не смею даже дышать, со стороны наблюдая, как дверь напротив распахивается, и, сломанной куклой, мне в ноги на пол летит она – моя точная копия. Словно в замедленной съемке, будто покадрово, медленно поднимает голову, откидывая мокрые пряди волос с лица, и глядит на меня. Не стискивает от пережитого унижения зубы, а просто откровенно улыбается, так, как будто только что записала очко в счет своих будущих побед.

Она замечает, что я смотрю на нее, и, неожиданно, подмигивает.

А я банально не знаю, как себя вести и что говорить, поэтому просто продолжаю стоять, точно вернулись былые времена, как виноватая воспитанница на ковре перед директрисой детского дома, краснею, сцепив слегка дрожащие пальцы рук за своей спиной.

– Всё хорошо?

– Более чем!

Хочу ответить, но... не нахожу слов. Да и на что отвечать? Решаю просто улыбнуться.

– Ладно, – тихо смеется Даша, шевелится в поисках нужного положения, инстинктивно приподнимается на колени, и почти сразу встает на ноги, – не обращай внимания. Это была прелюдия.

Первое, что я испытываю, – жгучий, кошмарный стыд. Не раздражение, ревность, или обиду, а именно стыд.

Прелюдия!

Невольно создается ощущение, словно я подглядываю за чужими тайнами интимной жизни со стороны, и от неловкости за себя или от услышанного, я краснею еще больше. Хочется закрыть лицо руками, спрятаться, а лучше вообще «провалиться сквозь землю», лишь бы не смотреть ей в глаза..., но я тяжело вздыхаю, и, впервые, не отрываясь, гляжу на нее словно в зеркало.

И мне хочется бить зеркала.

Столько слабости – до отвращения!

Я, правда, не думала, что будет так больно. Нет, я даже не знала, что бывает настолько больно!

Я не хотела верить, что моя неожиданная увлеченность достаточно быстро переросла в чувства. И пыталась убедить себя, что призрачная иллюзия вокруг меня, все это – было простым незначительным приятным мгновением. Но теперь я убеждена, что в этом мгновении и есть вся моя жизнь.

С каждой прожитой минутой становится только больнее...

Почему моё сердце тоскует по чужому мужчине? Да потому он – мой чужой мужчина!

«Чужой» – страшное слово, если оно неожиданно характеризует любимого человека.

– Знаешь, – обращается ко мне Даша, после долгих минут протяжной тишины, – здесь все осталось по-прежнему. Точно так, как я люблю. Цвета, бренды – все в изобилии, развешанные по моему предпочтению.

Она придирчиво рассматривает содержимое шкафа, ничуть не стесняясь своей наготы. На мгновение мне кажется, что она наденет то платье в котором пришла, но она равнодушно выбирает Кристиан Диор и, отрывая бирку, вскользь бросает ее на пол.

Невыносимо. Словно взяли моё! И вот это чувство – оно ужасное. Неприятно становится до тошноты, потому что не новые вещи жалко, а обидно, что вот так как-то, легко...

В груди больно защемило, и мне вдруг захотелось так сильно расплакаться. Но только не здесь.

И снова молчание. Стыдное. Неприятное.

Прямо передо мной, казалось на расстоянии вытянутой руки, стоит моя сестра-близнец, с которой мы никогда не виделись, и нам нечего сказать друг другу. Но мне кажется, что она и без того знает, о чем я думаю. А еще мне кажется, что она все про меня знает, будто следит за моей жизнью.

– Я не краду его у тебя! – говорит она негромко. Подается вперед и почти шепчет, улыбаясь, словно собирается рассказать мне какую-то страшную тайну, непристойный секрет. – Я. Забираю. Свое!

Отвожу взгляд, пытаюсь подобрать слова, чтобы ответить ей, но их нет... Она права.

* * *

Все честно, мы друг другу не обязаны.

Разворачиваюсь и молча выхожу из гардеробной, а следом, покидаю и хозяйскую спальню, захлопнув за собой дверь.

Я позволяю себе остановиться и отдышаться, лишь будучи подальше от них двоих, в одном из длинных, похожих друг на друга коридоров второго этажа. Смотрю перед собой в упор, даже не моргаю, а коленки дрожат предательски, и на то есть причина. Приваливаюсь к стене и сползаю на пол, ощущая щемящую грусть от удушающего одиночества.

От неожиданности вздрагиваю, когда чувствую холодные маленькие детские ладошки на своих щеках.

Света. Совсем не слышала, как она подошла.

– Что ты здесь делаешь? – тоненький, но бодрый голосок младшей сестренки дрожит от беспокойства.

– ...

– И куда ты шла?

Не дождавшись моего ответа, слезы брызнули из детских глаз. Такие большие, солёные слезы одна за другой скатываются по щёчкам, дрожащему подбородку и капают на аккуратное новенькое платьице, оставляя потемневшие кружочки, словно крупные горошины.

Эту боль я чувствую, как свою собственную. Боль, переполняющую, наполняющую и выходящую за пределы ее крохотного тела.

Пытаюсь успокоить ее, найти какие-то ободряющие слова, но тщетно...

– Меня никто не любит, – неожиданно тихо произносит она дрожащим голосом, а в глазах нарастают слезы.

– Ну что ты, родная, – обхватываю сестренку руками, а она, обмякнув, утыкается мне в колени. – Разве тебя можно не любить? – беру детское лицо в свои руки и аккуратно вытираю слезы с щёк. – Будь у меня возможность, я бы всегда была рядом с тобой и любила сильно-сильно, – говорю твёрдо и уверено, но глубоко в себе сомневаюсь, что когда-нибудь у меня такая возможность появится.

– Насколько сильно?

– Вот как от земли до самого неба и даже ещё выше!

– Так высоко? – помогает мне маленькими ручками вытереть слезы со своего лица.

– Конечно.

– Тогда, почему ты хочешь уйти? Потому что Марк не любит тебя? – её вопрос бьет ножом в сердце своей точностью.

* * *

Всё, происходящее дальше, словно в дешевом телевизионном сериале, со всеми известными пошлыми штампами и клише: муж, жена, любовница...

В просторной гостиной-столовой, куда меня пригласили на семейный ужин повисла напряжённая тишина, нарушаемая лишь монотонным тиканьем больших старинных напольных часов. Или это секунды стучат по венам?

Так тихо, будто я вот-вот услышу треск этой самой плохой киноленты... И все оборвется.

«Когда тебе кажется, что ты летишь вниз и падаешь на самое дно, будь уверен – снизу тебя ждёт новая, более глубокая, яма.»

Так со мной и случалось. Каждый раз падая и думая, что хуже быть не может, подо мной образовалась дыра, и я летела ещё ниже.

Закрываю глаза. Может, чем крепче зажмуриться, тем быстрее все закончится?

Но я открываю их и обнаруживаю, что всё по-прежнему, все мы на своих местах: четыре человека на противоположных сторонах большого прямоугольного обеденного стола.

Марк и Даша сидят друг против друга тяжело и неподвижно, как мраморные статуи: безучастный, с виду совершенно спокойный Беркутов, все также идеально сложен и потрясающе выглядит в своем стильном «повседневном» костюме «Vigioni», и его пока еще законная жена, статная, с великолепной царственной осанкой и гордой посадкой головы; она нисколько не походит на несчастную жертву, преследуемую своим влиятельным мужем.

Неприятно. Но пока мне везет – та никак комментирует мое присутствие. Что еще более неприятно – за спиной своей законной хозяйки под личиной услужливости и готовности, смело заложив руки за спину, словно только сейчас все встало на свои места, замерла безликая экономка – Елена.

Помимо нас троих, за столом, ковыряясь вилок в тарелке с непривычным для нее модным равиоли, присутствует Света, с которой мы коротко переглядываемся.

Новая перемена блюд, и я позволяю придомовой обслуге забрать у себя тарелку с так и нетронутой едой. Все они, униженно вежливо пряча глаза, делают вид, будто не замечают, что их хозяин заменил супругу ее точной копией. Что все происходящее их совершенно не интересует, но я-то знаю, что не будь в договоре о приеме на работу дополнительного, но не менее важного пункта о неразглашении, так охотно бы перемыли всем нам косточки, где-нибудь на страницах дешёвой бульварной прессы.

Почему я до сих пор здесь? Зачем?

Сейчас мне кажется, что своим присутствием я просто удовлетворяю чье-то личное любопытство.

Марк. Я снова оборачиваюсь к нему, и разглядываю из-под опущенных ресниц его отстраненный профиль: он сидит, не смотря меня, далёкий, точно так же, как я была далека от него еще вчера, когда не желала замечать все его старания сблизиться, которые я так по-свински игнорировала.

Мне ужасно захотелось все вернуть, все переиграть, исправить. Вернуть на то короткое мгновение, когда казалось, что всё было хорошо. Вернуть все то, что между нами тогда было – наши прикосновения. Вернуть цвет своим эмоциям. Да-да, именно цвет, ведь даже эмоции имеют свой цвет, вкус, запах и, даже звук: от кроваво-красного до нежно-лазурного, от ванильно-сладкого до терпкой горечи... От тихого шелеста до взрывной мощи...

Спящая совесть сейчас периодически поднимает голову, чтобы спросить, что же тебе, неблагодарное существо, могло не хватать в жизни? Привлекательная, неглупая 25-летняя девушка благодарила Бога за то, что имела, но все же ощущала полную потерю контроля над собственной жизнью, продолжая терять уверенность в себе и в завтрашнем дне. Теперь знаю, в какой-то из этих моментов самобичевания я и упустила что-то важное...

– Все свободны, – неожиданно первым прерывает молчание Марк, обращаясь к Елене. – Свободны! – повторяет нервно и следит за тем, как Света неуклюже сползает вниз со своего стула и выходит, а остальная прислуга покидает комнату. – А ты, останься, – обращается ко мне.

Смотрит на Дашу и добавляет:

– Ты тоже.

На его губах играет опасно-хищная улыбка, и он «ласково» спрашивает:

– Что ты задумала?

Я вздрагиваю и снова оборачиваюсь к нему, чтобы убедиться, что он обращается не ко мне, а он продолжает:

– Года не прошло, как ты бежала от меня, как от смерти, а сейчас заявила в мой дом, как ни в чем не бывало.

– Ты не слишком любезен. – Даша отвечает дерзко и откидывается на спинку стула так, что нескромный вырез на ее платье теперь обнажает грудь сильнее допустимого. – Может, соскучилась по тебе?

– В постели Гордона?

– Одно другому не мешает. Я не понимаю, почему мы вообще говорим сейчас об этом. При ней. Ты тоже нашел мне замену. Ну и как? Копия оказалась не хуже оригинала?

– Даша.

Вот вроде бы и голоса не повысил, а как будто хлестнул наотмашь.

– У меня ничего нет, кроме себя самой. Я вернулась сюда, когда там для меня всё закончилось. Теперь многое иначе. Ты остался самым-самым. Я не идеализирую, я не помешалась, наоборот, сейчас мыслю трезвее, чем когда-либо. Время расставило все по своим местам. Никто не даст тебе того, что могу дать я.

Она смотрит на него, хочет что-то сказать, но, видимо, заметив его взгляд, направленный на меня, начинает злиться сильнее:

– Как это жалко смотрится – когда женщина живет с мужчиной, которого нет рядом.

Вздрагиваю от этих слов, а она снова открывает рот, чтобы добавить еще что-то, и мигом закрывает, когда с противоположной стороны стола от Марка слышится яростное рычание.

Лучше бы их диалог проходил без меня.

Я резко встаю из-за стола, и, вместе с этим, фарфоровая тарелка рядом со мной выскальзывает и летит на пол. Подпрыгнув, насмешливо звякнув, раскалывается на три крупных куска.

Как символично! Мир мой рушится на острые осколки, и теперь я смотрю в свои мечты, как в разбитое зеркало.

В каждом из этих осколков я вижу только искаженное отражение себя. Я – все они одновременно. Множество фрагментов в одной телесной оболочке. Я как разбитое зеркало, которое уже никогда не сможет стать целым, сколько ни собирай, полного отражения не выйдет.

* * *

Когда все разошлись, платиновая блондинка соблазнительно потянулась, затем встала и мягкой кошачьей походкой подошла к огромному панорамному окну. Уже по-хозяйски окинула взглядом весело подмигивающие огни ночной столицы, достала телефон и набрала давно заученный наизусть номер.

– Алло, – на том конце ответили буквально после второго гудка, – Планы немного изменились, – без вступления начала она, – зачем нам половина, когда я могу получить все его состояние!

Глава 3

Я приняла решение уйти обратно, вернуться в свою собственную жизнь, не дожидаясь, пока меня об этом попросят.

Это чужая семья, да, может быть проблемная, неидеальная, но семья, сами разберутся.

Сразу не смогла начать собираться, сил не было. Руки дрожали. Сознание напрочь отказывалось принимать очередную перемену в жизни.

Я встала напротив окна и стала смотреть на ледяные иглы небоскребов «Москва-Сити». В эту минуту не только высотки казались мне застывшими, но даже широкие ленты транспортных развязок смотрелись снежными змеями, извивающимися в самом низу. Панорамные окна пентхауса выходили на ту самую высотку, комплекс башен «Федерация» – башню «Восток», на смотровой площадке которой я отчаянно хотела побывать, но все откладывала на потом. Весь этот ансамбль с абсолютно гладким фасадом, без видимых стыков и выступающих архитектурных элементов действительно напоминал громадную ледяную иглу, тянущуюся к небу. Не залипнуть на нее было просто невозможно: торгово-офисный и развлекательный центр, окруженный мельтешащими неоновыми подсветками и сверкающими динамичными рекламными баннерами, казался сказочным городом в городе.

Вот и все. Все мысли передуманы, ничего не хочется, и я просто стою на месте, убивая время.

Или же я глупо надеюсь, что сейчас, в эту самую секунду, или через минуточку-другую Марк решительно войдет ко мне в комнату и остановит меня?

Ожидаемое – не всегда действительное, и это самое отвратительное.

Тихий стук в дверь, и мне хочется быть в голос: это не он! С другой стороны, может, это и хорошо, ведь больно будет в любом случае, от этого никуда не деться.

Уже не первый раз ко мне негромко стучат, словно деликатно поторапливают, но я игнорирую, меня нет. Меня больше ни для кого нет...

Заставляю себя развернуться, подхожу к шифоньеру и, выволакивая с его антресолей свой потрепанный чемодан, принимаюсь беспорядочно скидывать туда вещи. Но почти сразу останавливаюсь внутри себя – не возьму я того, что Марк мне подарил! И шубку норковую не возьму, и шикарные итальянские сапоги... и еще много чего... Тем более, что чемодан всего один и туда войдут только те вещи, с которыми я сюда пришла.

Да, глупо, наверное, но это не из-за женского бессмысленного упрямства, а из последних остатков гордости, чтобы потом вспоминать было не стыдно. Хотя все равно будет стыдно и больно, чего уж там!

В последний раз окидываю рассеянным взглядом комнату, куда занес меня резкий поворот судьбы, и понимаю, что больше мне брать нечего: банально не унесу.

Тихо и осторожно выхожу в коридор. С трудом справляясь с громоздким чемоданом, стараюсь не привлечь к себе чье-либо внимание, вздрагиваю от неожиданности, когда натыкаюсь на взгляд Беркутова. Видимое воплощение ленивого безразличия, он стоял, прислонившись к стене, на расстоянии вытянутой руки, и не сводил с меня глаз.

Мысли тут же смешались с эмоциями, как только он предпринял попытку приблизиться ко мне, а я сделала шаг назад, инстинктивно выставив вперед свободную руку.

– Не подходи... – беззвучно шепчу, едва заметно двигая губами, глазами моля его об этом на коленях.

Он – самое яркое напоминание моих ошибок, которые я не сумела простить себе, простить ему, нам обоим.

Перехватываю чемодан поудобнее и спешу уйти. Сбежать отсюда. Но он останавливает меня, поймав за талию и развернув к себе, забыв обо всех приличиях и собственных принципах.

– Пстой, – произносит в самое ухо, нескромно касаясь его губами, а я боюсь пошевелиться и спугнуть момент.

Последний кульминационный момент с ним, который я могу себе позволить.

Прядь моих волос едва заметно колыхнулась то ли от лёгкого сквозняка, то ли от его дыхания...

Давление, оказываемое им, только разжигает внутренние противоречия, которые как будто колят и скребут кожу. Легче содрать ее с себя, помнящую каждое из его прикосновений, чем вытравить их из своей памяти.

Не могу пошевелиться, отойти...

Задыхаюсь, тело бросает в дрожь, мурашки предательски бегут по коже. Смотрю на него, прощаясь, и сама в этот миг живьем подыхаю.

Все скручивается от волнения...

Пытаюсь оторвать себя от него и сбежать отсюда, чтобы больше не видеть его, но он удерживает ещё крепче и ближе притягивает к себе, руками плотно сжимая мою талию.

Смотрю ему в глаза, и столько необъяснимого в его немигающем ледяном взгляде, что слова, морозным инеем, замирают у меня на губах. Еще секунду назад я хотела горячо высказать всё, что думаю о нём, о нас, но теперь не уверена, что это необходимо – он все понимает.

– Дай. Мне. Уйти, – прошу отчетливо, ненавидя себя за жалобные нотки, звучащие в голосе.

– ... Уходи.

Он отпускает меня и отходит к стене, освобождая проход.

Быстрым шагом, чтобы не передумать, не оборачиваясь, чтобы не сойти с ума, я ухожу.

Судорожно пытаюсь вспомнить, как отсюда выйти. Столько одинаковых коридоров!

Только оказавшись в холле, в ожидании лифта, я позволяю себе выдохнуть, но вся моя боль комом застревает где-то в легких, когда я случайно натыкаюсь на изобличительный взгляд будто появившийся из ниоткуда Елены. Он скользит по одинокому чемодану на полу, как при досмотре, словно сканирует его содержимое, проверяя, не прихватила ли я с собой что-нибудь чужое, мне не принадлежащее.

Вот именно это недоверие меня и злит. Заслуженное. Я украла чужую жизнь. Разве этого мало?

* * *

Окунуться во что-то с головой – это способ избавиться от старой шкуры.

Я с головой погрузилась в работу, чтобы забыть обо всем. Так прошли несколько недель.

Да, монотонная организационная работа на должности директора детского дома позволяла мне хоть на время избавиться от тяжелой депрессии, ведь каждую минуту своего свободного времени я начинала вспоминать и задышаться от этих воспоминаний. Ненавижу их!

Звуки оживленных голосов, шум, гам, топот и беготня, присущие обычному звонку с последнего урока, за дверью моего кабинета не раздражали, наоборот, от детского смеха дом каким-то чудом будто ожил, готовясь к обновлению. Давно забытое суетливое беспокойство охватило его в ожидании основательного ремонта. Благодаря щедрому спонсорскому взносу международной корпорации De Beers Berkut и обещанной ими же благотворительной помощи, на правом крыле здания уже поставили строительные леса, группы завешали плотным полиэтиленом, поэтому часть ребятишек пришлось переселить, но, как говорится, в тесноте, да не в обиде.

Да, Марк Беркутов сдержал свое слово, причём он так же ни разу не появляется лично, передавая мне подписанные им необходимые случаю официальные бумаги через своего неразговорчивого водителя – Богдана, либо с всезнающим Аркадием Абрамовичем. Последний, кстати, так и остался моим бесценным помощником, продолжая с завидной регулярностью появляться в стенах нашего детского дома, несмотря на отсутствие официального трудоустройства.

Вот и сейчас он появился в самый подходящий момент как раз, когда я совершенно запуталась в стадийности и сметах на проектные работы.

Передо мной на столе лежала куча бумаг – множество стандартных листов писчей бумаги, исписанных разными почерками и напечатанных на принтерах разными шрифтами; бумаги, казалось покрывали всю поверхность, включая компьютерную клавиатуру с затёртыми клавишами, и лишь чёрный прямоугольник выключенного монитора возвышался над этой кучей, словно надгробие.

Поначалу я попробовала сложить листы в каком-то только мне понятном порядке, затем передумала, и теперь пыталась отобрать лишь некоторые, самые нужные, для чего освободила правый угол стола, раскладывая документы веером. Какие из них могут пригодиться, знать не могла, и потому получалось плохо, долго, а время катастрофически поджимало.

Увидев на пороге своего кабинета Аркадия Абрамовича – невзрачного, невысокого, почти иссушенного возрастом старичка в сером неброском костюме, я не смогла сдержать измученный благодарный выдох.

– Ну что ты, Катенька! – забавно всплескивает руками он, кудахча, словно заботливая насадка. – Тут проблем-то, буквально на пальцах одной руки можно пересчитать! И, вполне возможно, не все так плохо, как ты думаешь, – продолжает, сгребая верхнюю пачку договоров, пристально вглядываясь в мелкий шрифт, – хотя, наверно, и не так хорошо...

Я непроизвольно смеюсь.

Спустя недели совместной работы, мы знаем друг о друге больше, и я могу отключить напряжение и расслабиться, чувствуя себя комфортно в его обществе. Здесь, за закрытыми дверьми моего кабинета, у нас с ним живое общение.

– Главная цель недобросовестных строителей: выставить клиенту дешевую смету, – он вчитывался в содержимое, словно бубнил себе под нос, – и, как можно раньше, заключить с ним договор подряда.

Потом как-то странно крикнул, хохотнул, не прекращая просматривать контрольные цифры, и продолжил бубнить сам себе:

– По принципу – «ввяжемся в бой, а там – разберемся».

– А мне что с этим делать?

– Я займусь.

Будто больше не замечая меня, он недолго повозился у стола, и, углубившись в бумаги, сел на мой стул, сразу после того, как я едва успела с него встать. Меня это ни в малейшей степени не смутило, так как я привыкла к его странностям, которые, к моему удивлению, уже не казались мне странностями.

Я же подошла к одинокому окну, и, облокотившись на подоконник, застыла, задумчиво сколупывая потрескавшуюся краску с деревянной рамы...

Погода не прибавляла настроения. Зимний морозный вечер уже стоял над присыпанной снегом столицей, и меня передернуло от холода. Глазами поискала вокруг, что можно было бы накинуть, но со времен предыдущей хозяйки здесь все осталось по-прежнему, обстановка отнюдь не стильная: писчий стол стоял на своём обычном месте, пара неодинаковых неудобных кресла для посетителей, да еще большой книжный шкаф с покосившимися от времени дверцами и вечной пылью на открытых полках.

Несмотря на все мои усилия – ничего не меняется. Стараешься, тужишься, много и усердно работаешь, мало спишь, пашешь, а результат не меняется или становится лишь незначительно лучше. В такие моменты возникает ощущение, что какая-то невидимая сила не даёт расти. Будто бы к ноге привязан якорь. Кажется, что ты ускоряешься, бежишь на всю мощь, а на самом деле лишь роешь ногами землю.

Я тихонько вздохнула...

Возможно, мое упадническое настроение слишком бросалось в глаза, потому что Аркадий Абрамович укоризненно покачал головой и немедленно начал что-то искать в ворохе бумаг, сваленных на столе. Глянцевый журнал, видимо, подмигнул ему своей обложкой и тот, плюхнул его рядом.

– Ежегодный благотворительный аукцион «Ради жизни», устраиваемый миллиардером Беркутовым уже в 5-й раз, – востроглазый старичок постучал по названию передовой статьи пальцем, – помнишь? Вечер для коллекционеров и меценатов. Ты не надумала пойти туда?

Ну как тут забудешь, когда всю прошедшую неделю он монотонно напоминает мне об этом?!

Я замялась, как бы сомневаясь, стоит ли говорить дальше, но потом, решившись, выпалила:

– Достаточно сказать, что Марк не послал мне приглашение.

– Я достану для тебя именно и внесу в список. Не давай свой ответ сейчас. Понимаю, что тебе сложно. Но все же, подумай. Мероприятие пройдет в субботу, у тебя есть еще пару дней, чтобы решиться.

– Угу, – я снова отворачиваюсь к окну, всем видом показывая, что не желаю обсуждать это.

Хочу прервать его, пока им не пущен в ход последний излюбленный аргумент, но не успеваю:

– Это уникальная возможность найти и привлечь внимание новых спонсоров!

Он прав. Прав в том, что невозможно что-то поиметь ничего не делая.

– «Обширен страус и высок, но при огромной силе, он прячет голову в песок: – А чтоб не откусили!» – воодушевленно цитирует он детские стихи московского поэта Марка Шварца.

– Страус вовсе не прячет голову в песок, он показывает вам свою задницу, – в ответ парирую я.

И мы вместе смеемся. Кто-то же должен разряжать атмосферу и в напряженные трудовые будни!

* * *

В который раз посмотрела на часы, что не осталось незамеченным для Аркадия Абрамовича, и он неодобрительно поцокал языком, как будто был строгим учителем, а я – непоседливой ученицей, ждущей звонка на перемену.

Но беспокойство изводило меня хуже надоедливой мухи!

Я ждала Свету. И всякий раз, когда мне выпадал случай увидеться с ней, жутко нервничала.

Да, она осталась в семье. Ушла только я. Но не без великодушного разрешения своего работодателя, Богдан иногда завозил ее ко мне по расписанию, после занятий в школе. И так каждый раз, лишь издали завидев силуэт знакомого внедорожника, мое сердце пускалось вскачь, а я хватала с вешалки пальто и мчалась вниз, с энтузиазмом прыгая через две ступеньки.

Каждый раз втайне мне хотелось верить, что Марк там, скрывается за тонированными стёклами своего автомобиля. И я, стоя чуть поотдаль, из-под опущенных ресниц тайком вглядывалась – в надежде увидеть его профиль, зная в глубине души, что не судьба.

Каждый раз Света выскакивала из машины и с распростертыми руками бежала мне навстречу.

А еще каждый раз, расставаясь, она повторяла одну и ту же фразу разрывающую сердце: «Я хочу остаться с тобой!»

* * *

К вечеру коридоры детского дома опустели. Пусть и ненадолго, вернулась строгая тишина, а гулкое эхо вновь принялось многократно умножать шаги.

После нашей коротенькой встречи, я возвращаюсь в свой кабинет с большой неохотой и так же неохотно иду по вечерам домой, помня о том, что каждый прожитый мной день, словно под копирку, напоминает предыдущий. И так каждый день. На одну и ту же работу тем же путем, после того же нетронутого мной завтрака. И каждое новое утро я снова до последнего переставляю будильник и едва сползаю со скрипучего дивана; за любимой чашкой с давно отколотой ручкой, казалось бы, бодрящего кофе, только подумав о скором начале рабочего дня, вхожу в транс; а уже через час-два работы с типовыми документами, готова снести к чертям с незамолкающего ни на минуту телефона рабочую почту и мессенджеры или, по крайней мере, хорошенько хлопнуть клавиатурой о стол... Но ведь это не починит ее вечно западающие клавиши!

Все мои действия в конце рабочего дня отточены до автоматизма: просмотреть, закрыть, захлопнуть, выключить; поэтому замечаю любые, даже самые незначительные изменения. Все на своих местах и все на виду, только вот на моем письменном столе – довольно внушительная коробка изысканного дизайна для по-настоящему царских подарков.

В аскетичном интерьере моего кабинета эта самая дорогая черная коробка с перетягивающей ее атласной лентой того же цвета, сексуальной и строгой, смотрится пафасно. Что уместно, в фешенебельных районах центра столицы здесь, на окраине неблагоустроенного Восточного Бирюлёво выглядит нелепо.

Я вдруг вспомнила, как однажды получила подарок на свой день рождения. Мою первую куклу – хрупкую и нежную маленькую стюардессу: в форме вымышленной авиации, в кокетливой пилотке, с такой тонюсенькой талией, что я дотрагивалась до неё двумя пальчиками, боясь разрушить это игрушечное чудо.

Только моя. Личная.

На самом деле детдомовцы получают много подарков, к примеру, на Новый год – от государства, компаний-спонсоров, частных дарителей. Но все они общие. Нет ничего личного. Подарки там – вещи не индивидуальные. Да и как может быть по-другому, если у ребенка в детском доме для личных вещей – максимум одна тумбочка и пару полок для одежды в общем шкафу?! Продумайте, где они хранят все ваши подарки за долгие годы? Да в общих комнатах-группах!

Как тогда забилося сердце, а я покрылась мурашками! И это лишь только при виде упаковки!

Мне очень хотелось продлить этот волнующий момент и сейчас, но, с другой стороны, не терпелось узнать, что же там внутри.

Разворачивала с особым трепетом предчувствия подарка.

Внутри коробки оказалась бумага тишью – тонкая и приятна на ощупь калька с кричащим логотипом GUCCI, а под ней платье черного цвета из натурального шелка. Невесомо, едва ли

дотрагиваясь до ткани кончиками пальцев, погладила. Да, карточка с посланием там тоже была, как и само именное приглашение на Ежегодный благотворительный аукцион «Ради жизни».

Я была уверена, этот щедрый подарок от Марка и знала, что не пойду. Но руки сами собой потянулись к записке.

Перечитав ее несколько раз, ощутила, как сердце пропустило удар, потом еще один, заставив меня пожалеть о преждевременном решении и задохнуться от шквала противоречивых эмоций.

На миниатюрном прямоугольном листе плотного картона размашистым женским почерком было написано: *«До встречи, сестренка.»*

Глава 4

«Сколько раз я уже умерла? Не знаю, много...

Сколько раз я еще умру? Не знаю. Наверное, много.

Сколько раз я буду готова еще умереть? Бесконечно много, если в этом будет смысл.

Но как же часто я буду проживать одно и то же?

Это мой рай, и это мой ад.»

* * *

События сейчас...

Ловлю жуткое ощущение флешбека, словно мою жизнь кто-то поставил на многократный повтор: это же однажды уже было, в темноте, в тусклом свете луны... А теперь опять.

Разница от всего происходящего только в том, что интерьер другой, но вот ощущения те же, те же прикосновения – давления, тепла, холода, болевые и осязательные.

Всё это настолько реально, что хочется зажмурить глаза – и убедить себя, что все это мне просто кажется.

Но нет, я чувствую! Чувствую касание его ледяных рук, чувствую его дыхание на обнаженных ключицах, от которого вздрагиваю и непроизвольно дергаюсь в сторону, но совершаю непростительную ошибку, ведь своим резким движением я его только раздражаю. Ответная реакция мгновенна: он хватает меня и с силой впечатывает лопатками в стену, вышибая из лёгких воздух, почти полностью обхватывая мою тонкую шею своими пальцами.

– Я еще не поборол желание задушить тебя, – зло шипит мне, склонившись к моему лицу, задевая мою щеку своими жесткими губами. – Нужно было это сделать еще в тот первый раз... – проводит ими по моей скуле к уху, оставляя на коже след из колючих мурашек, – но тогда я решил ненадолго продлить себе удовольствие...

Сколько нужно секунд, чтобы задушить человека?

Отсчитываю живой пульс моей сонной артерии под его ледяными пальцами...

От нехватки воздуха мое сознание уже плывет, но он, неожиданно, ослабляет свою ладонь и резко разворачивает меня лицом к стене, продолжая плотно фиксировать шею. Горло зудит от придушенного хрипа, который пытается вырваться наружу, но это бесполезно... Он разжал железную хватку ровно настолько, чтобы позволить мне не задохнуться раньше отпущенного им срока.

Мой страх, как нечто материальное – как крупные частицы пыли, парящие в воздухе, которые можно увидеть в приглушенном свете луны, попадающий сюда сквозь большие незанавешенные окна.

Чувствую, как он свободной рукой задирает мне платье и пальцами скользит по бёдрам, а вслед за ними по моим ногам ползет холодный панический ужас. Пытаюсь сделать хоть что-то и сдвинуться в сторону, вывернуться так, чтобы хоть немного видеть его, не сломав себе челюсть, но Марк очень чуткий к движениям, словно хищник, сразу же ощутимо сдавливая моё горло, ровно до тех пор, пока я снова не перестаю вырываться...

– Я хотел, чтобы все было по-другому, но ты заставила меня быть таким! Теперь думай о том, что ты сама меня вынудила!

Отпускает, но тут же подцепляет жемчужное ожерелье на моей шее, дергая меня к себе с такой силой, что крупные гладкие бусины больно вжимаются в мою кожу, стягивая ее так сильно, что вот-вот могут порвать ее, в угоду их владельцу. Интуитивно поднимаю свои руки

к ним, пытаясь сорвать с себя прочное украшение, но это бесполезно, переливающаяся перламутровая драгоценность сделана ювелиром на совесть.

С моих приоткрытых губ слетает отчаянный сдавленный хрип, и я слышу в ответ мужской прерывистый выдох полный безумия, от которого холодеют и выворачиваются внутренности...

В мёртвой тишине слышно только наше рваное дыхание, отражаемое от стен, бьющее по барабанным перепонкам, а еще, резкий звук вжикнувшей молнии на мужских брюках...

* * *

События за несколько часов до произошедшего...

Я считала, что цвет этого платья мне жутко не идёт ровно до тех пор, пока не увидела в нем же её.

Даша выглядела абсолютно сногшибательно: словно изящная черная лебедь с муаровым отливом; с длинной открытой шеей и выступающими, трогательными ключицами; с почти прозрачной кожей, словно с примесью жемчужной пыли; тоненькая, с великолепной осанкой и перламутровыми волосами, незатейливо уложенными в высокую причёску.

Великолепная. В своей стихии.

Ни одного неверного движения или неуклюжего поворота головы – отточенная до деталей идеальная жизнь, отточенные до мелочей царственные позы.

Мы были одеты абсолютно одинаково: вечернее платье в пол с небольшим шлейфом, спереди имело довольно скромный женственный вырез-лодочку; казалось бы, подчеркнуто простое и лаконичное, оно полностью открывало спину, нескромно обнажая кожу; образ дополняли закрытые туфли-лодочки на головокружительно высоком каблуке, и дамская сумочка с черной шёлковой лентой-петлей для запястья.

Аристократически элегантно держа в одной руке бокал с дорогим шампанским, а в другой – крошечный клатч, она стояла ко мне вполоборота, щедро раздаривая приклеенные полуулыбки своим собеседникам. А рядом с ней – Марк Беркутов. Не просто стоял. Он обнимал ее за талию, всем видом показывая окружающим, что все семейные разногласия улажены, и она все так же близка ему – вопросы неуместны.

Закрываю глаза, в надежде, что вся эта тонкая мелодрама о взаимной любви и доверии мне лишь мерещится, но, открыв их, понимаю, что это никакой не обман зрения – все реально. И эту реальность надо пережить.

Он оборачивается.

Моё появление удивляет его ровно в той мере, как удивило бы появление любого человека на пороге твоего дома без приглашения, но не больше.

Спустя недели наши глаза вновь соприкасаются друг с другом. В его взгляде даже обычной заинтересованности нет, лишь пустота. Страшная, болезненная пустота. Это наш первый «разговор», хоть и безмолвный, и нам нечего друг другу сказать...

Мне вдруг так обидно стало. Как же так то?!

При виде меня, Даша расплывается в улыбке. Не дослушав своего собеседника, не глядя ставит свой бокал шампанского на поднос мимо проходящего официанта и поспешно идет мне навстречу.

– Рада, что ты пришла, сестренка! Пойдем. Я тебя представлю. Но сначала кое-что поправим...

Достает из миниатюрной сумочки заколку и ловко собирает мои распущенные волосы в высокую, как у себя причёску, выпустив пару прядей у лица. Чувствую, словно только что меня раздели на глазах у всех.

– Вот так-то лучше!

Тогда я не обратила внимания на эту сущую мелочь, не придала значения столь, казалось бы, незначительной детали, а зря.

* * *

С высоко поднятой головой Даша ловко развернулась на шпильках, легонько качнула бёдрами и пошла обратно. А следом за ней, словно тень, попятам поплелась я.

Зал для приёмов был просто огромен. Здесь умещалось не менее сотни гостей. А, может быть, и гораздо больше. Со всех сторон, благодаря хорошей акустике, звучал изящный звук скрипки. Янтарный свет лился откуда-то с потолка, рассеивался в пространстве почти как дневной, и пока я искала глазами его источник, до меня начинала доходить неправдоподобная, кошмарная истина: я настолько вжилась в чужой образ, что стала им!

Я больше не чувствовала себя здесь неуместной, а даже скорее наоборот.

Стены оказались обтянуты какой-то бархатной нежно-розовой тканью и декорированы золотыми гвоздиками, будто это и не стены вовсе, а какое-нибудь кресло. Но выглядело все просто великолепно.

Со всех сторон по периметру помещения располагались стеклянные витрины для лотов и драгоценностей, фуршетные столы с высокими горками из бокалов шампанского, а элегантный фарфор вместе с дорогим хрусталем горделиво посверкивал среди этого изобилия на тонком полотне скатертей в компании золотых столовых приборов. Убранство зала было разбавлено нежными пионами в больших вазах: раскрывшиеся, или тугие и плотные, пышные, необузданные бутоны с тонким опьяняющим ароматом – невероятная роскошь зимой.

Словом, всё на этом мероприятии было дорогостоящим, изысканным и подходящим для богатейших людей со всего мира – элиты общества, пришедшей потешить собственное тщеславие.

Количество закусок тоже приводило в полный восторг. Да, наверное, стоило бы уделить больше внимания чужим нарядам, прическам и ювелирным украшениям, но мне гораздо сильнее хотелось попробовать каждое выставленное блюдо. Ведь я никогда не ела ничего подобного.

* * *

Улыбнуться и кивнуть. Улыбнуться и кивнуть.

Этот вечер стал одним из самых тяжелых испытаний в моей жизни. Несколько часов я чувствовала себя куклой. Реквизитом. Спустя время я уже искренне не понимала, зачем вообще на таких мероприятиях необходимо присутствие живых сторонних наблюдателей, таких же несчастных, как я – оказавшихся здесь с чьей-то легкой руки. Вполне достаточно было бы обряженного манекена в красивом платье, который стоял бы с приклеенной улыбкой и очень прямой спиной, как палка.

И манекен не страдал бы от голода, как я.

Даша категорически запретила мне есть. Это была какая-то чудовищная жестокость. Совсем рядом со мной стояло блюдо крохотных бутербродов с чёрной икрой, тарталетки с омарами и маленькие слоеные пирожки, тающие во рту. То есть я предполагала, что они тают во рту, именно это рисовало моё воображение. Но убедиться в этом на практике мне не довелось. Даша в своей наставительной речи заявила, что она знает, какой у детдомовцев хороший аппетит, но этот благотворительный вечер – совсем не то мероприятие, на котором его можно демонстрировать. Так же мне было разрешено не более двух глотков шампанского, поэтому я, уставшая, голодная и злая, улыбалась, принимала стандартные обязательные приветствия и с

завистью смотрела, как еще полсотни незнакомых мне людей едят, разговаривают, обсуждая закрытые показы и премьеры спектаклей, а еще смеются, позволяя себе расслабиться.

Правда, среди оставшейся полсотни попадались и знакомые лица: тот же пожилой представительный мужчина, который как раз и был устроителем благотворительного аукциона в Санкт-Петербурге; уже знакомая мне мулатка – Ливия в кругу своих одинаковых хихикающих подружек, а еще очень привлекательный светловолосый незнакомец, который тогда так поспешно перепутал меня с сестрой.

Но все мои мысли были только об одном – вернуться домой, снять оружие пыток под названием «дизайнерские туфли», принять ванну и поесть уже наконец.

– Сколько еще нужно это терпеть? – тихо процедила я, не снимая с лица улыбку.

Даша медленно обернулась ко мне. Хотела что-то ответить, но, видимо, не посчитала нужным объяснять очевидное, поэтому снова обратила внимание на своего собеседника, продолжала сиять улыбкой и кивать тем, кто улыбался ей.

Спина ныла, ноги болели, а желудок готов был вот-вот заурчать на весь зал, перекрывая музыку и светские разговоры.

Мне уже все равно. У меня сейчас лицо судорогой сведет! А если кивну еще пару раз – голова отвалится.

Сделала шаг назад. А потом еще один, еще, и еще. Пятилась до тех пор, пока не наткнулась спиной на самую дальнюю стеклянную витрину для драгоценностей, и с размаху чуть не свалила ее.

– Осторожнее, – в последнюю секунду, чья-то сильная рука вдруг поддержала меня за локоть, – сзади вас целое состояние!

Оттого, что это было сказано вкрадчиво, соблазнительным бархатным баритоном, я чуть не завалилась на нее снова. Однако, у мужчины отличная реакция: подхватил и развернул к себе лицом.

– Все нормально... – начала было говорить я, но забыла, что хотела сказать, глядя на него – того самого знакомого незнакомца.

А блондин хорош, очень хорош!

Но вот что еще больше впечатляет, так это жемчужное ожерелье на сверкающей центральной витрине рядом с ним. И это было поистине великолепное зрелище.

– Ювелиры De Beers Berkut своей новой коллекцией превзошли все самые смелые ожидания, – видя моё восхищение мужчина завел разговор. – Что-то подобное уже было. Красота ожерелья Cowdry до сих пор продолжает впечатлять весь мир настолько, что оно побило собственный рекорд: за последние три года его продали дважды, а последний раз – на 2 миллиона долларов дороже. Те бусы в один ряд состоят из 42 таитянских морских жемчужин, которые считаются одними из самых дорогих в мире. На аукционе Sotheby's в Гонконге оно ушло с молотка за 5,3 миллионов долларов.

Он неожиданно замолчал, словно прислушиваясь к эху собственных слов, но быстро продолжил:

– Представленное здесь ожерелье не уступает ему, и, по-моему, даже превосходит его. Покупатель, сделавший сегодня вечером самую высокую ставку, станет героем. Так что это потрясающая возможность каждому доказать, что именно он – покровитель искусств с настоящими яйцами. Купивший будет иметь удовольствие участвовать в художественном процессе, сделав заявку на бессмертие, и – кто знает – возможно, через 10 лет эта работа будет стоить больше, чем он заплатит сейчас.

Сделал точно рассчитанную на эффект паузу, и, вдруг задал мне вопрос:

– Интересно, кто или что вдохновило Марка Беркутова на эту впечатляющую коллекцию? Прошу прощения, забыл представиться. Я Гордон, Кристиан Гордон.

Глава 5

Марк.

Все прошедшие недели я пытался убедить себя, что взрослые отношения без инфантильной влюблённости на грани безумия ритму моей жизни подойдут лучше. Убеждал себя, что сам так захотел, что так оно и есть, тем не менее, вечерами, я сидел в машине, наблюдая за ней сквозь тонированные автомобильные стёкла...

Каждый раз обещал себе, что это последний, и каждый раз опять отбрасывал свои же обещания на завтра.

Я ненавидел себя за то, что невыносимо скучал по ней, казалось, с каждым днем глупея и глупя до невозможности.

* * *

Со всех сторон давила тяжесть десятков, свалившихся на меня взглядов. До ушей эхом доносился шёпот, рассыпавшийся между остальными присутствующими:

– Сможете отличить одну от другой?

– С первого взгляда это трудно, да?

Трудно. Да, я и сам так считал, но это оказалось просто невозможно!

Все равно, что невооружённым глазом искать отличия копии от оригинала, но только не простой подделки, а обладающей характеристиками, близкими к алмазам из графства Лоффа; их практически не могут различить даже те специалисты, которые имеют богатый опыт определения типичных характеристик алмазов, имеющих на региональном рынке.

Я считал, что с легкостью отличаю одну сестру от другой до тех пор, пока не увидел их вместе.

Сегодня они были до абсурдного похожи. Я не мог понять, кто из них, кто. У обеих белые волосы одной длины, одинаковые причёски, лёгкий макияж, каблу и одинаковые черные платья в обличку, в которых они отлично выглядели, чёрт возьми, обе.

Их можно было бы различать только по цветным ленточкам, повязанным на тонких запястьях, если бы они у них были!

К моему удивлению, собираясь на сегодняшний вечер, Даша отказалась от любимых ювелирных изделий с бриллиантами, без которых выглядела еще более хрупкой – в точности копирующей Катю. Обе они выглядят, как навязанная продуманная игра.

Кстати вспомнился вчерашний вечер, и окончание короткого разговора с женой, который я не забыл от начала до конца:

«– Я дважды не впускаю в свой дом тех, кто нагадил в нем.»

«– То есть, у людей в твоей жизни, нет шансов на ошибку?»

Будто намеренно захотела доказать мне, пока я разбирался в своих чувствах, что обе они абсолютно одинаковы, во всём, и нет смысла добровольно менять одну неидеальную на неидеальную другую.

– Ваша свояченица, Марк Эмильевич, просто потрясающая! Только кто из них, кто – так и не пойму!

Но я уже видел, скорее не увидел, а испытал, что вернее и точнее на различия между ними двумя мне указывает неожиданно проснувшаяся ревность. Чувствую, что быстро приближаюсь к внезапной её вспышке, поэтому не обращаю внимания на заговорившего со мной, и решительным шагом направляюсь к ряду витрин с выставленными в них на торги лотами.

Туда, где рядом с Катей остановился Гордон, несколько дольше необходимого задержав в своей руке её маленькую ладошку.

Мне казалось, что он позволял себе слишком многое: стоять слишком близко, слишком жадно на нее смотреть, допуская больше вольностей, чем официальное представление незнакомых людей друг другу.

– Гордон.

– Беркутов.

Мы обмениваемся короткими преувеличенно спокойными приветствиями, придерживаясь формальностей, но обходясь без рукопожатия.

– Эта, определенно, одна из лучших твоих работ! Знаешь, я готов побороться за неё на сегодняшнем аукционе.

Создает некую двусмысленность. Он словно наслаждается всем этим. А ведь и правда, ему в кайф. Это я тут каждую лишнюю секунду от ревности подыхаю морально.

– Ожерелье не продается!

Отвечаю так, чтобы поставить точку в разговоре, и Гордон это понимает. С белозубой улыбкой кивает и уходит.

А я смотрю на его удаляющуюся широкую спину и думаю о смерти. О цветах пиона и его удушливом аромате, о бордовых, рассыпанных повсюду лепестках, словно брызгах крови. Я думаю о своем голоде и его силе. О контроле. Кровожадность растёт и пульсирует в венах, и я вот-вот позволю ей захватить себя, осознавая, что внезапную агрессивность через несколько часов сменят приступы сожаления, но это уже не изменит содеянного.

Дышать, дышать.

Иначе я просто сорвусь. Иначе фантазия о наказании в виде асфиксии станет сладостной реальностью.

– Какого черта ты тут делаешь? – рявкаю я, гуляя раздраженным взглядом по белой Катиной коже на которой тут же выступили мурашки. – Кто пригласил?

Бросаюсь вопросами, хотя сам знаю на них ответы.

Делаю знак рукой, и рядом с нами мгновенно появляется кто-то из моей невидимой охраны. Лишь лёгкое движение бровью, мне не нужно просить дважды – и центральная витрина с жемчужным ожерельем открыта. Когда я беру его в руки, рядом с нами реагируют восторженным: «Ах!»

– Марк, – шепчет Катя одними лишь губами, разгадав мои намерения. – Не надо... Даше это не понравится.

Она ещё несколько секунд смотрит на меня, но, чувствуя мою непреклонность, безропотно склоняет голову, и вздрагивает, когда холодные крупные жемчужины касаются ее обнажённой кожи.

Уязвимая покорность бьёт под дых посильнее кулака, и я снова ощущаю это: будто под ребрами стискивает внутренности. Закрываю глаза и медленно выдыхаю. Ревность, что царапала душу мгновенно пропадает, словно я сам себе ее придумал.

Жемчуг туго охватывает тонкую шею, вступает во взаимодействие с бледной кожей, и, действительно, начинает выглядеть ещё более беспроектно: естественная текстура перламутрового органоминерала подчеркивает неповторимую индивидуальность его обладательницы.

Так, вот это, совсем не щедрость, чтоб вы понимали. Чтобы и дальше видеть различия между ними двумя, и нужен этот контраст. Я сделал трусливую попытку скрыть свое собственное позорное замешательство, прикрывшись бездушной ниткой холодного жемчуга.

* * *

Катя.

Мы с Марком смотрим друг на друга. Только смотрим. Это всё, что нам с ним позволено.

– Не надо... Даше это не понравится, – шепчу пересохшими от волнения губами и понимаю, что соскучилась невыносимо.

Мне бы надо на глаза надевать глухую повязку, чтобы не видеть и не реагировать ТАК на каждое незначительное изменение на его лице: особенно на скользящее движение губ, когда он недоволен, как сейчас хмурится, правый уголок рта слегка ползёт вверх; как и на сотни иных мельчайших микродвижений его мимических мышц.

Голоса вокруг нас становятся громче, а мое сердце бьется всё сильнее, удары всё чаще, всё оглушительнее до тех пор, пока не сливаются в непрерывную дробь. В тот же миг тягучий звук скрипки в зале обрывается – нет, разрывается на сотни ноющих звуков, которые нарастают, и все они режут мою жизнь на полоски, а сливки общества полощут их в грязной воде светских пересудов.

– Любовница!

– Кто?

– Она?

– Беркутов может себе позволить трахать кого угодно!

Сплетни роятся вокруг нас, царапают гортань. Под языком свербит. Но хуже слов их глаза. Осуждение, с которым они пристально смотрят на меня, вне всяких сомнений, могло бы разорвать мне кожу, раздробить ребра. В их общем презрении и власти, и пренебрежение, и от всего этого мне становится дурно.

Мне надо срочно выбраться отсюда, уйти, убежать, что угодно, только бы не стоять на месте и не видеть круговорот лиц, полных фальшивых улыбок, теней, людей и их голосов, не слышать фраз, переполненных ханжеским лицемерием.

Я делаю робкий шаг вперёд, практически не чувствуя ни ног, ни каблуков, ни пола...

Словно цепные псы, привыкшие реагировать на любое изменение ситуации, охрана вторит моему движению вслед за редкой коллекционной драгоценностью, но её хозяин предупредительным жестом приказывает им остаться на месте.

Они по команде замирают, а я иду прямо в толпу любопытных, телерепортеров с блокнотами, микрофонами и диктофонами, шурясь от ярких вспышек фотокамер.

– Ты заметила, какое на ней ожерелье?

Всеобщее внимание теперь приковано вовсе не ко мне, а к прекрасному произведению ювелирного искусства на моей шее. Я – как картина известного художника, вокруг которой все охают и ахают, руками всплёскивают, совершенно ничего не смысля в живописи, ориентируясь при этом исключительно на немислимый ценник.

За несколько проделанных шагов успеваю подхватить с проплывающего мимо подноса бокал с шампанским, сделать несколько глубоких глотков, едва не поперхнувшись на первом же от ударивших в нос стойких пузырьков газа.

В коридоре не останавливаюсь, не оглядываюсь, а иду сразу в дамскую комнату.

Стук моих каблуков словно бежит впереди меня...

Захожу в туалет, навстречу мне как раз стайка пестро разодетых женщин. Хорошо хоть здесь никого кроме меня, никто не наблюдает за тем, как я стою и пялюсь на себя в зеркало: трогаю впадинку на шее, прямо под ожерельем, рядом с которой пульсирует сонная артерия, и с благоговением касаюсь крупных гладких жемчужин.

Из-за чего или что так полоснуло по сердцу, пережало-перетянуло горло?

Почему все это не отпускает? Не ослабляет жилистой хватки его невидимая ладонь...

Знать бы где та самая грань – грань моей слабости! Не узнаю никогда: не я эту грань определяю – он.

Сколько осталось минут, сердечных ударов, порывистых вздохов до того, как его пальцы снова до боли сожмут мне шею?

Не имею понятия...

Нарочито долго держу руки в ледяной воде, прикладывая их к щекам – горят.

Поднимаю голову и вздрагиваю от неожиданности: в отражении зеркала встречаюсь с серого цвета Дашиными глазами. Она стоит в нескольких шагах, чуть склонив голову на бок, и пристально разглядывает меня, словно пытаюсь найти отличия себя реальной от меня. Видимо, увиденное вполне её удовлетворило: она улыбнулась и, с пленительной смешинкой на губах, подмигнула своему отражению.

– У тебя появилось кое-что, принадлежащее мне, сестрёнка. Я хочу это забрать.

Возразить бы ей, но что-то мне подсказывает – не стоит.

Я не поворачиваюсь к ней, стою спиной. Её пальцы ловко расстёгивают ювелирный замок, потому что делают это ежедневно, и осторожно снимают жемчужное ожерелье с моей шеи. Примерив его, она несколько раз крутанулась, чтобы лучше рассмотреть себя в зеркале и победно усмехнулась, теперь явно находясь в приподнятом настроении:

– Любовная связь с женатым мужчиной – это, конечно, не лучший вариант, но вполне допустимый в столичном бомонде. Гораздо хуже, если у него помимо тебя есть ещё несколько любовниц.

Слова хлесткой пощёчиной, сделанной без особых усилий, пришлось кстати.

Не дожидаясь моей реакции, она разворачивается и уходит, бросая мне:

– Приведи себя в порядок, у тебя щёки горят.

Чувствую, как из левой ноздри течет теплая струйка.

Провожу пальцами по верхней губе. Так и есть – пошла кровь, причем, дело это нехитрое. После жизни в детдоме у меня вообще часто идет носом кровь. Бывает и просто так, без всяких там оплеух.

Зажимаю рот ладонями, глуша истерические рыдания, прикусив холодные пальцы до боли...

Кто бы знал, что все будет именно так!

Я не знала, он не знал, никто не знал.

* * *

Я слышу приближающиеся шаги, оживлённые голоса и женский смех.

Понимаю, что у меня осталась пара-тройка секунд, прежде чем дверь распахнется, впуская кого-то из гостей, поэтому быстро сгребая в охапку разбросанные по сторонам окровавленные комья бумажных полотенец, выбрасываю их и мою руки.

Едва успела, как вошли уже знакомые мне четыре молодые красивые девушки, под предводительством блистательной Ливии, заполнив пространство дамской уборной бессмысленной болтовнёй и приторным ароматом дорогих духов.

– Ты видела? – проговорила одна. – Ты видела, какие на мамаше Любарского бриллианты?! Нет, ты только посмотри на ее кольцо! С ума сойти! Слушай, она в самом деле помолодела или весь секрет в освещении?

– Лет на сто!

– Наверняка, недавно от пластического хирурга, – фыркнула вторая. – Когда муж на двадцать пять лет моложе, хочешь – не хочешь, а под нож ляжешь.

– На двадцать пять?! – округлила глаза первая. – Значит, из-за денег женился!

– Нет, – возразила вторая. – Говорят, что он достаточно богат.

– Тогда импотент, – поставила диагноз первая и при этом так уморительно сморщила носик, что все четверо одновременно прыснули.

Но увидев меня синхронно притихли и тотчас же побледнели на редкость слаженно.

– Даша? – после некоторого молчания, дрогнувшим голосом обратилась ко мне Ливия.

Она – любовница, поэтому ее оторопь перед женой мне понятна.

Вместо ответа я машинально прикоснулась к шее, прямо в том месте, где совсем недавно и висело единственное украшение: пальцы лишь мазнули по голой коже – жест выглядел нелепо, чем сразу выдал мое очевидное замешательство.

– Если это не она, то ее сестра-близнец, – шепчет одна из девушек, но шепчет так громко, что её слышат все.

И тут же подхватывают остальные:

– Она – запасная.

– Интересно, сколько пройдет времени, прежде чем эта холодная стерва Беркутова узнает, что она не единственная, кто согревает по ночам постель своего мужа?

Они обступили меня плотным кольцом, так что стало трудно дышать – вспотели ладони, и я попятилась назад, чувствуя себя самой настоящей добычей, что оказалась загнанной в угол. Меня вновь охватило жуткое чувство страха, которое я испытывала в детстве.

Неблагозвучная фамилия и редкое имя, внешность с изюминкой или необычное хобби, развитый не по возрасту интеллект, худоба или полнота – все эти особенности несовершенно-летнего могут ввергнуть его в ад под модным и страшным названием «буллинг», если близости окажется человек с девиантным поведением.

Я не очень люблю вспоминать о своем детстве, и причина этому – невероятная жестокость, с которой мне приходилось сталкиваться практически всю детдомовскую жизнь. Цвет моих волос стал поводом для постоянных издевательств и оскорблений. Не просто блондинка – волосы настолько неестественно снежно-белые, что казались ограниченным ровесникам седой. А однажды, мне даже устроили «тёмную».

В пятом классе была очень неприятная ситуация. Зашла в туалет, и за мной три девочки. Щелчок закрываемой двери почему-то заставил сердце ухнуть вниз. Они окружили меня, сомкнувшись в круг. Наступали медленно, вынуждая меня опасливо пятиться до тех пор, пока я не упёрлась спиной в ряд ржавых умывальников.

– Уродка! Уродка! – смеялись одиннадцатилетки под предводительством старшей.

– Лен, не издевайся над ней! – насмеялся писклявый голос.

– Не издевайся надо мной, не издевайся над ней, а над кем мне остаётся издеваться?

Я предпочла промолчать. Мысленно приготовилась к тому, что просто так от меня эта троица все равно не отвяжется. Вопрос только в том, насколько плачевным для меня окажется финал этой очередной провокации.

– Чё ты в молчанку играешь? – задирища продолжала наступать. – Я с тобой разговариваю! Или тебе даже говорить со мной противно?

Я нервно сглотнула. Стараясь не упускать зачинщицу из поля зрения, краем глаза все же заметила, как одна из ее подруг достала откуда-то почерневшие ножницы и потрясла ими.

– Ты ведь у нас вся такая беленькая...

Она не договорила последней фразы. Вместо этого резко выбросила вперед руку и ухватила меня за волосы. Дернула на себя.

Сдаваться без сопротивления было, по меньшей мере, глупо и унижительно. Едва осознав это, я попыталась вывернуться, вырваться из захвата, но не тут-то было, увы...

Ножницами вжух по волосам, и всё! Толстая коса упала к моим ногам.

Девочки потом ушли, а я на полу сидела плакала, худеньким кулачком размазывая по щекам слёзы, запуская пальцы в короткие неровные прядки. Не от боли, а от непонимания и

обида плакала. Да, конечно, я давно повзрослела и все страхи остались в прошлом, но и теперь меня безумно триггерит с того туалета.

И вот сейчас, в эту самую минуту, несмотря на то, что с тех событий прошло уже много лет, тот самый, детский страх заставил меня замереть на месте. Это не холодок, что легонько коснулся меня изнутри, а настоящий ужас – гнетущий взрыв ледяного отчаяния от которого скручивает внутренности в тугую жгут и перехватывает дыхание. Вижу их растерянные и непонимающие взгляды. Они вовсе не из моего детства, они не хотят мне зла, тем не менее, я судорожно хватаю ртом воздух, будто в последний момент, когда лёгкие уже разрываются болью от недостатка кислорода.

Внезапно дверь дамской комнаты распахнулась, впуская Дашу.

Царственно цокая по выложенному плиткой полу высоченными каблуками своих модельных туфель, она идет мимо окруживших меня безобидных сплетниц, еле заметно кивнув им, не снизойдя до большего.

– Все в зале гадают, почему ты задержалась здесь так надолго?

Подружки засуетились и поспешили удалиться, делая вид, что сильно торопятся, а Ливия, проходя мимо, наклонилась и выдохнула мне шепотом:

– Тут не место – раскисать!

Я проводила ее взглядом.

Мда...

Несмотря на все попытки казаться сукой, она была гораздо дружелюбнее, чем я ожидала, наслушавшись сегодня разговоров о ее пресловутой стервозности. И даже хорошо, что она, пытаясь избежать конфликта, приняла решение ретироваться, подумала я, моя сестрица съела бы эту бедную девочку с потрохами.

– Знаешь, а я передумала, – заговорила Даша, поправляя перед зеркалом свою прическу, подкалывая вверх случайно выбившиеся пряди, – забирай эту побрякушку. – Она сняла ожерелье, протянув его мне. – А я заберу назад своего мужа.

Глава 6

«...Я буду считать, что мне ещё..., уже не больно. Равнодушно. Равнодушно, покорно, на голое тело надевая, словно старое пальто, свою тень, но это не я...»

* * *

Мы столкнулись с Марком в коридоре. Именно столкнулись, я выходила из дамской комнаты, а он был уже в дверях, поэтому я налетела на него.

Встретив пробирающий до костей немигающий взгляд его льдисто-голубых глаз, я отшатнулась...

Он смотрел на меня, гоняя желваки, в упор, с таким собственническим инстинктом, что выражение его лица становилось диким и искаженным. Когда-то, при похожих обстоятельствах, я уже видела его в таком состоянии, это и заставило меня невольно громко сглотнуть вязкий ком страха, выдохнув с еле слышным испуганным всхлипом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.